

Будущее как предмет социальной теории

УРРИ ДЖ. (2018). КАК ВЫГЛЯДИТ БУДУЩЕЕ? / ПЕР. С АНГЛ. А. МАТВЕЕНКО. М.: ДЕЛО. 320 С. ISBN 978-5-7749-1324-4

Александр Павлов

Кандидат юридических наук, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Ведущий научный сотрудник Института философии РАН
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: apavlov@hse.ru

Предмет настоящей статьи — критический анализ «концепции будущего», предложенной британским социальным теоретиком Джоном Урри (1946–2016). Автор вкратце рассматривает творческое наследие социолога и его вклад в создание новой социальной теории, отмечает, что переведенные на русский язык книги Урри репрезентируют его творчество не в полной мере, но отражают поздний период его исследовательской работы. «Как выглядит будущее?» — последняя книга социолога, вышла в год его смерти и поэтому мы можем рассматривать ее в качестве своеобразного творческого завещания. В этом завещании, однако, отражены многие аспекты трудов последних шестнадцати лет жизни Урри. Как замечает сам Урри, своей книгой он бросает вызов социальным наукам, поскольку последние до сих пор не занимались будущим, отдав его на откуп футурологии. В статье дается ответ на вопрос, можем ли мы в самом деле считать эту книгу таким вызовом. Автор утверждает, что для концепции Урри характерна некоторая теоретическая слабость. Для анализа будущего социолог призывает на помощь теорию сложных развивающихся систем, но выводы, к которым он приходит, не имеют эвристической ценности. Вместе с тем книга Урри ценна не теорией, но самой попыткой рассуждать о будущем с позиции социальной философии, а также своей ориентацией на практику. С одной стороны, социолог, рассказывая об утопиях и антиутопиях, использует богатый эмпирический материал — художественную литературу, кинематограф, публицистику, доклады различных организаций и т. д. С другой стороны, обсуждая такие проблемы, как 3D-печать, городское пространство без автомобиля, климатические изменения, антиутопии и др., Урри пользуется методом сценариев, предлагая четыре варианта развития событий для каждого рассматриваемого им феномена. Сами по себе эти сценарии уже позволяют представить то, как могло бы выглядеть будущее. Заключительная глава книги посвящена «низкоуглеродному гражданскому обществу» и концептуализации «естественного капитализма», ответственного перед природой. Автор статьи делает особый акцент на этом, считая, что данная концепция должна быть дополнена иными представлениями о новейшем — цифровом — капитализме. Наконец, в статье рассматривается вопрос соотношения социальной теории Урри с теорией постмодерна.

Ключевые слова: социальная теория, будущее, капитализм, постмодернизм, философия культуры, популярная культура, город, климат, марксизм

Британский социолог Джон Урри (1946–2016) хорошо знаком отечественному читателю. До сих пор на русский язык были переведены три его книги — «Мобильности» (Урри, 2012а), «Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия» (Урри, 2012б) и «Офшоры» (Урри, 2017). Кроме этого, в 2005 году в сборнике статей «Массовая культура: современные западные исследования» был представлен его текст «Взгляд туриста и глобализация» (Урри, 2005), а первая публикация Урри на русском состоялась в 1999 году (Макнотон, Урри 1999)¹. Если учесть, что некоторых авторов, уже давно ставших классиками на Западе, в принципе не переводили, следует признать, что Урри представлен на русском языке довольно полно. Полно, но не вполне репрезентативно. Так, в оригинале «Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия» вышла в 2000, «Мобильности» — в 2007, «Офшоры» — в 2014, а «Как выглядит будущее?», русский перевод которой увидел свет в 2018, — в 2016 году (Urry, 2016). Иными словами, в России известен, скажем так, «поздний Джон Урри», то есть его исследования прежде всего в области мобильностей, туризма и «финансового капитализма». И даже те немногие исследователи, кто обращался к анализу творчества Урри, например, социологи Александр Филиппов и Никита Харламов, говорили именно о мобильностях².

Во многом интерес к поздним текстам Урри и выбор для перевода этих книг оправдан тем, что Урри был исследователем практических проблем, возникающих в результате все более ускоряющегося развития общества и технологий как в локальном, так и в глобальном масштабе. Вот почему его ранние работы по праву могут считаться менее актуальными для решения практических задач сегодняшнего дня, но при этом не менее важными. Это относится к его текстам 1980-х годов, посвященным капитализму, таким как «Анатомия капиталистических обществ: экономика, гражданское общество и государство» и «Конец организованного капитализма» (Urry, 1981; Lash, Urry, 1987). Вместе с тем, некоторые книги Урри, которые могут быть востребованы в XXI веке, остаются непереведенными. Это касается монографии «После автомобиля» (Dennis, Urry, 2009).

Некоторым образом символично, что Урри обратился к практически новой для себя теме — будущему — под самый конец жизни. Хотя то, что это совсем уж новая для него тема, сказать нельзя. Так, в «Мобильностях» он уже писал о «мрачных видах на будущее». Кроме того, в рамках рассуждений о будущем Урри обращается к темам, которые уже не раз обсуждал — жизнь после автомобиля, изменение климата, мобильности, издержки «финансового капитализма» и т. д. Вот почему «Как выглядит будущее?» — своеобразное завещание автора, подводившего итоги

1. Статья была предоставлена специально для издания. Она имеет важное значение в эволюции творчества Урри, так как в итоге он вернулся к теме природы в «Как выглядит будущее?».

2. См.: Филиппов, 2011. Автор, выбирая подход Урри к меняющимся предмету и, соответственно, методу социологии как стартовую площадку для своих рассуждений, сопоставляет размышления Урри с более ранними социологическими теориями Зиммеля и Парсонса. Во второй статье «Мобильность и солидарность» (Филиппов, 2012а) Александр Филиппов уже не обращается к Урри, но упоминает его в следующей работе (Филиппов, 2012б). См. также: Харламов, 2012.

прошлых исследований и наметившего горизонт для дальнейших изысканий. Все это делает данную работу особенно важной: с одной стороны, это последнее слово автора, с другой — попытка выйти за пределы прежних интересов.

К какому бы предмету Урри ни обращался, он часто ставил вопрос о том, как к проблеме должна относиться социология³. А потому, рассуждая о «новом обществе», социолог фактически предлагал и новую науку об обществе. Таким образом, его практические исследования неизбежно отражались на статусе социальной науки — если угодно, он открывал для нее новые проблемные пространства. Примерно в таком же ключе работает с материалом Александр Филиппов в диалогии «Мобильность и солидарность», предлагая не только приращение знания о социальной жизни, но также и новые теоретические ресурсы. Возможно, именно такой и должна быть социологическая теория. Учитывая все это, мы не ошибемся, если предположим, что вопрос о социологии Урри ставит и в последней работе. Однако, если мы будем ожидать от нее теоретической глубины или рассуждений о меняющейся социологии, это будет напрасным. Данный текст Урри исключительно «практичен». Но делает ли это его книгу плохой или хуже, чем она могла бы быть в ином случае? Нет, не делает. Благо, что с его более теоретическими работами можно познакомиться и так, а потому читателю просто не следует возлагать на «Как выглядит будущее?» надежды относительно решения теоретических проблем.

Итак, что касается социологии: Урри в самом начале книги отмечает, что социальные науки, как правило, не занимаются будущим — в какой-то момент тема была отдана на откуп футурологии, а последнюю нельзя признать социальной наукой или даже наукой в целом. Связывает это невнимание к предмету со стороны социологии Урри с провалом прогностической составляющей социальной философии Маркса и Энгельса, «научный» прогноз о планомерном движении истории к коммунизму которых, как известно, не сбывся. Однако отметим, что, например, социолог Ричард Лахман в своем обзоре «Что такое историческая социология?» заканчивает рассуждения о предмете главой «Предсказывая будущее» и говорит о том, что обсуждаемая дисциплина занимается в том числе и данной проблемой. Подчеркнем: речь идет об *исторической социологии*. Вместе с тем Лахман лишь подтверждает правоту Урри, поскольку рассматривает устаревшие для социальной теории концепции философии истории, делая акцент (и критикуя этот подход) на спекуляции о роли личности и некоторых других аспектах, которыми проблема будущего в социологии не может быть исчерпана (Лахман, 2016: 200–218).

Поскольку как «таковой науки, которая бы занималась будущим, не существует» (с. 134), Урри вновь делает заявку на расширение предметного поля социологии: будущее — такой же важный вопрос для социальной теории, как и капитализм, революции или «современность». И здесь, хоть и изредка, Урри обращается

3. Он начал свою карьеру с того, что рассуждал о предмете и методе социологии в контексте отношений рационализма и позитивизма, а также о месте эмпирических исследований в контексте рационалистической социальной теории (Keat, Urry, 1975).

к философии (Гоббс, Хайдеггер и Уайтхед) (с. 65–66, 102) и к классической социологии (очень краткие упоминания Вебера, Дюркгейма и Зиммеля) (с. 147). Большею частью же он концентрируется на новейших исследованиях, имеющих междисциплинарный характер. Вероятно, «теории» в этом тексте практически нет еще и потому, что вопрос о будущем — проблема исключительно практическая. И потому Урри рассказывает о возможных образах будущего. Так, в фокус его внимания попадают не только научные монографии, но и официальные доклады различных правительственных и неправительственных организаций, публицистика, журналистские статьи, блоги, художественная литература и кинематограф.

При этом там, где Урри все же обращается к теории в том или ином виде, это выглядит особенно слабо. В частности, как он сам выражается, «наиболее глубоко» (с. 89) в книге представлен анализ «сложных систем». А с ними в тексте самая большая проблема. Несмотря на то, что Урри не использует понятие, разумеется, речь идет о синергетике, что подтверждается частыми ссылками на Илью Пригожина и Изабеллу Стенгерс. Выводы, к которым приходит автор, оставляют читателя в недоумении. Урри высказывает очень сомнительные тезисы. Например, социоматериальные системы возникают и развиваются, при этом старые не вытесняются новыми, но сосуществуют с ними; в дальнейшем старые системы могут быть вытеснены, но могут быть и не вытеснены новыми, а новые, в свою очередь, могут себя не оправдать и точно также исчезнуть. Более того, новые системы могут появиться, а могут и не появиться. Ведь «...инициирование новой системы — процесс сложный и непредсказуемый. Системы „парят“ в состоянии неорганизованной критичности... Ключевыми здесь являются неожиданные, редкие явления, обладающие потенциально огромным влиянием на физические и/или социальные системы» (с. 116). На развитие систем могут оказывать влияние как очевидные факторы, так и неочевидные. Это касается обращения к концепции «черного лебедя» — непредвиденного и непрогнозируемого события, которое может привести к непредсказуемым и необратимым последствиям. В самом деле мы можем предполагать, что возникновение новой пандемии, пришествие дьявола и нашествие агрессивных пришельцев повлияют на мир самым радикальным образом, но что дает нам понимание о «неизвестных неизвестных», как выражается сам социолог, в плане эвристических прогнозов будущего? Очень мало. Если вообще что-то дает.

Иногда Урри позволяет себе банальности типа того, что влияние на будущее оказывают те, у кого в руках находится власть: именно от решений власть предержащих во многом зависит то, как будет формироваться социальная, экономическая и экологическая политика, что отразится на будущем. Но все же таким ремаркам мы можем найти объяснение на страницах книги. Так, автор ссылается на экономиста Мариану Маццукато, доказавшую, что все инновации, которые сделали iPhone «умным», на самом деле финансировались государством (с. 125). Однако есть и другие банальности: например, темы прогресса и будущего связаны, а политика часто конструируется как противостояние двух лагерей — тех, кто выступает за развитие, и «этих самых луддитов», изо всех сил сдерживающих продвижение

прогресса (с. 131). И хотя такие замечания выглядят невероятно наивными, важно другое — Урри возвращает в социальную науку тему прогресса и вообще некоторую веру в его ценность.

Порою Урри буквально противоречит сам себе. Если антиутопии, как он заявляет, имеют перформативный характер (в этом контексте он упоминает писателя Уильяма Гибсона, который, бывало, удалял наиболее мрачные прогнозы, рожденные его воображением), то как быть с тем, что многие антиутопические прогнозы не сбылись? Или они еще не сбылись? И тут же социолог утверждает, что сценариев развития событий много, и мы вряд ли можем считать, что обязательно сбудутся все (анти)утопии. Наконец, Урри часто использует одни и те же примеры (сохранившаяся при цифровом производстве бумага; сосуществование двух систем телефонной связи — мобильной и стационарной).

Упрек в слабости теории может быть адресован и к обращению Урри к некоторым сложным концептам, которые автор использует довольно волюнтаристски и, по большому счету, максимально некорректно. Так, он употребляет сложное понятие «структура чувства», сформулированное британским теоретиком культуры Реймондом Уильямсом (Williams, 1977: 128–135). Это очень популярная идея, которую мыслители и исследователи постоянно и совершенно по-разному используют при построении своих концепций (Иглтон, 2012; Петровская, 2018; ван ден Аккер, Вермюлен, Гиббонс, 2019). Уильямса Урри упоминает в контексте общих настроений «катастрофизма», заявляя, что последний представляет собой ту самую «структуру чувства». На протяжении двух страниц автор перечисляет названия разных книг, чтобы заявить, что в совокупности они свидетельствуют о новой структуре чувства (с. 60–62). Ирония в том, что Урри использует этот концепт в другом месте книги, где с его помощью описывает общие тренды в экономической политике — сперва кейсианство, а затем неолиберализм в духе Тэтчер и Рейгана (с. 268–269). Если мы обратимся к самому Уильямсу, то поймем, что он ведет речь скорее о том, как формируется то, что можно было бы назвать «предидеологией», то есть структура чувства предшествует становлению идеологии (она может в итоге не сформироваться). Что касается «катастрофизма», то, кажется, он уже давно является популярным, и сложно согласится с тем, что всплеск сочинений на данную тему актуален лишь для ситуации начала XXI столетия. И уж тем более с тем, что неолиберализм — идеология в прямом смысле слова, а не ее предвосхищение.

Эта теоретическая неаккуратность, однако, не может быть отнесена к большим минусам книги, потому что ценность ее, как было сказано, в другом.

Теперь можно обратиться к практической стороне текста. В первой части Урри обсуждает утопии и сменившие их антиутопии, впоследствии обращаясь к «катастрофизму» в социальных науках и общественно-политической мысли. Во второй части он прибегает к концептуализации дискуссий о будущем, рассуждая об открытых, сложных, развивающихся системах, а также о методах формирования будущего — сценариях, экстраполяции, ретрополяции и т. д. В третьей части речь

идет о том, как на мир может повлиять распространение 3D-печати, о городах без автомобиля и климатических прогнозах. В этом разделе (и отчасти во втором) Урри прибегает к описанию различных сценариев тех или иных аспектов социоматериальной жизни. Поскольку вторую часть, посвященную системам, мы обсудили выше, скажем подробнее о первой и третьей.

В первой части книги Урри излагает содержание текстов Томаса Мора, Фрэнсиса Бэкона, Герберта Уэллса, Жюль Верна, Эдварда Моргана Фостера, Олдоса Хаксли, Джорджа Оруэлла, Шарлотты Перкинс Гилман и т. д. — это далеко не весь список авторов, чьи представления о будущем пересказывает социолог. Впрочем, Урри рассказывает и о современных книгах, посвященных утопии, а эта информация очень полезна тем, кто считает, что сегодня утопий больше не производится. И все же стоит заметить, что, например, философ Фредрик Джеймисон работает с художественной литературой в жанре научной фантастики куда более изысканным способом, нежели Урри (Jameson, 2005). Сам же Урри аналитической работы не проводит, делая лишь замечания общего характера типа того, что на смену утопиям приходят антиутопии. От последних автор переходит к современности, чтобы показать, как нынешние мыслители-алармисты, предупреждая о грядущих катастрофах, порождают фаталистическое отношение к будущему (с. 85)

В этом плане к однозначным плюсам книги стоит отнести то, что Урри прибегает к иллюстрации своих идей примерами из популярной культуры — преимущественно из художественной литературы и кинематографа. Так, описывая различные прогнозы антиутопий, он обращается к фильмам «Бегущий по лезвию», «Безумный Макс 2: Воин дороги», «Альфавиль», «Двенадцать обезьян», «День триффидов», «28 дней спустя», «Водный мир», «Эллизиум: рай не на Земле». В данном параграфе из литературы он упоминает лишь «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд и «Женщина на краю времени» Мардж Пирси. Любопытна именно эта выборка, так как, кажется, кинематограф куда ярче изображает мрачное будущее, нежели художественная литература. Отметим, что многое из эмпирического материала, к которому обращается Урри, относится к глубокому прошлому, что выглядит иронично, ведь книга повествует о будущем. Но это может быть оправданно сопоставлением социального теоретика Ника Срничека (к которому мы еще вернемся) о том, что «воображение представляет собой всякий раз уникальную пересборку элементов — скорее в смысле комбинаторного подхода к представлению будущего, нежели придумыванию из ничего» (Срничек, 2018: 91).

Урри работает с популярной культурой (и в частности, с кино) не так, как это делают левые мыслители типа упоминаемого Джеймисона или таких философов, как Славой Жижек и Марк Фишер (Джеймисон, 2019; Жижек, 2010, 2011, 2012; Фишер, 2010). Джеймисон говорит про кино как символы эпохи, Жижек эксплицирует из фильмов некоторые сцены, чтобы описать свои идеи, в то время как Фишер находит в кинематографе случаи пиар-работы «капиталистического реализма». В отличие от этих авторов для Урри кино — всего лишь иллюстрации тех

или иных вариантов антиутопий — восстания киборгов, опустошения Земли или постапокалипсиса.

Наиболее любопытная глава второй части, о чем пока не упоминалось, посвящена методам формирования будущего. Что это за методы? Во-первых, уроки предыдущих концепций будущего типа предсказаний Найджела Колдера «Мир 1984». Во-вторых, уроки несостоятельных концепций будущего. Урри не проговаривает этого, но, кажется, по его логике первый метод отличается от второго тем, что в рамках предсказаний надо изучать оправдавшиеся прозрения прошлого, в то время как в рамках второго — неудачи типа мечтаний о роботах в каждом доме. В-третьих, в рамках прогноза антиутопий, упоминаемого выше, Урри просто перечисляет шесть различных вариантов, не оговаривая при этом, что их на самом деле может быть гораздо больше. В-четвертых, это сами утопии, которые формируют желание грядущего (с. 144). В-пятых, экстраполирование (например, теория модернизации, получившая развитие в социальных науках в 1960–1970-е годы). В-шестых, это сценарное планирование — определение условий для того, чтобы ожидаемые события состоялись. Несмотря на то, что Урри пишет: «Подход с позиций теории сложных систем сделал возможным разработку шести методов прогнозирования будущего», нам сложно представить, где именно в данном случае работает этот самый подход «теории сложных систем». Правда, эта глава лучше помогает понять методологию работы самого Урри — он очень любит сценарии, постоянно описывая именно четыре варианта развития событий, а не три, пять или десять. Перечисление сценариев же — само по себе ответ на вопрос, что такое будущее.

К тем же сценариям автор обращается в следующей части, чтобы доказать, что 3D-печать — один из возможных вариантов нашего будущего. При 3D-печати цифровая информация преобразовывается в физические атомы, что, по сути, размывает границу между объектами и идеями (с. 161). Эта технология, если она распространится так же широко, как и сетевые компьютеры или смартфоны, может привести впоследствии к «третьей промышленной революции», что в свою очередь окажет влияние на экономику и общество. Люди будут уже не покупать изделия, производимые капиталом, а оплачивать доступ к самостоятельному производству товаров. 3D-печать может не просто сделать перевозку промышленных изделий ненужной, но упразднить логистику как таковую. Вместе с тем такое производство обнажает несколько проблемных точек. Во-первых, вопрос о том, кто победит в конкурентной борьбе в сфере, с одной стороны, программного обеспечения, а с другой — производства сырья. Производители материально-го, пусть и сырьевого, продукта никуда не исчезнут; единственное, что они будут предлагать свои услуги на местах. Во-вторых, остается проблемой расходование и контроль используемых материалов. Однако в этом отношении Урри спокоен и возлагает надежды на то, что материалы будут перерабатываться, так как уже существует такая вещь, как «рециклоблот», предназначенный для переработки пластика, — основного материала, используемого при новой форме печати (с. 169).

В-третьих, при массовом внедрении новых технологий могут возникнуть новые проблемы — использование 3D-печати для нелегальных изделий, нарушение авторских прав, фальсификации объектов культурного наследия (с. 172).

На основе всего этого Урри предлагает четыре сценария будущего, в которых 3D-печать займет центральное место в обществе и переформирует его. Первый — компьютерные фабрики на дому. Второй — местные производства, при которых услуги будут предлагать местные корпорации. Третий — любительские ремесла: при этом сценарии к новой технологии обеспечат всеобщий доступ в таких институтах, как библиотеки. Четвертый — «только прототипы»: при таком варианте развития событий 3D-печать не разовьется в новую социоматериальную систему, оставшись всего лишь любопытным экспериментом. Как и всегда, Урри делает ключевую для себя ремарку: «Мы не в состоянии предвидеть, смогут ли три первых варианта будущего образовать вместе с прочими элементами новую систему, которая со временем вытеснит систему массового производства и массового потребления» (с. 187). И, как всегда, конечно, он снова вспоминает «черного лебедя» (с. 186).

Из внимания Урри, увлекшегося ретрополицейей, ускользают многие аспекты проблемы, которые, например, подмечает британский урбанист Адам Гринфилд. Потому что, во-первых, хотя случаи использования новой технологии уже есть, цифровые производители заперты в мастерских, которые принадлежат университетам или частным научным центрам, и попасть туда очень сложно. Во-вторых, цифровое производство главным образом предполагает пластик, а такие вещи, как чугунная сковородка, требуют определенных материальных и организационных условий, и вряд ли можно предположить, что подобные товары быстро выйдут из употребления. В-третьих, то же касается и старых агентов капитала: новое производство должно быть организовано максимально дешево, но пока на это рассчитывать не приходится. И потому: «еще рано возлагать какие бы то ни было надежды на то, что цифровое производство может трансформировать политическую экономию повседневной жизни» (Гринфилд, 2018: 149–150).

В том же духе Урри рассуждает о городах без автомобиля. Когда-то «углеродный капитал», воспользовавшись многими факторами, сделал так, что автомобили, работающие на бензине, стали основным средством передвижения, что повлияло на развитие социальных систем в XX веке — появление пригородов, развитие инфраструктуры дорог, загрязнение воздуха, следствием чего стали участвовавшие болезни; добавим сюда и количество смертей при автоавариях и т. д. Урри мечтает о мире «после автомобиля» и предлагает четыре варианта такого будущего. Первое — это город высокой мобильности, который требует распространения совершенно иной системы. В таком городе пространство над поверхностью будет пересекаться множеством транспортных средств — станут возможны беспилотные автомобили и проч. Второе — цифровой город. Эта модель предполагает, что физические перемещения будут заменены цифровыми формами связей и впечатлений, что приведет к феномену контрурбанизации (однако этот сценарий чреват

последствиями для психологического состояния людей). Третье — город, удобный для жизни. Такая модель требует заменить старые социальные практики новыми. В данном случае придется сократить расстояния, на которые перемещаются люди и предметы. Одним словом, нужно будет «жить скромнее, плотнее, меньше пользоваться автотранспортом» (с. 227). Четвертое — город-крепость. Это негативный сценарий. События будут развиваться так: богатые люди отгородятся в комфортабельных районах, обнесенных стенами, оставив бедных в нищете. Это приведет сперва к войнам, так как некоторые функции государства окажутся в частных руках, а в итоге — к «Новому Средневековью». В этой части Урри выступает более уверенным аналитиком и заявляет, что «если ни один из этих трех сценариев не реализуется, то наиболее вероятный вариант будущего, который ожидает нас по умолчанию, — это город-крепость» (с. 208–236).

Последняя глава книги Урри посвящена климату. Здесь, чтобы объяснить, почему это самый важный отрывок, сделаем небольшое отступление. Социолог Саймон Сьюзен в своей очень обстоятельной книге «„Постмодернистский поворот“ в социальных науках» называет Урри «постмодернистским социологом» (Susen, 2015: 23). Мы могли бы удивиться такому определению, но Сьюзен объясняет, что имеет в виду. Так, он считает «постмодернистами» тех ученых, чьи основные работы возникли в историческом контексте, который часто характеризуется как поздний модерн или постмодерн (около 1970 года — настоящее время) (Гидденс, Саттон, 2018: 33–34), и которые стремятся радикализировать историческое состояние, связанное с постмодерном. При этом Сьюзен разделяет социологов на критиков постмодерна, симпатизирующих постмодерну, и тех, кто вынужденно попал в эту группу и не обращал других в свою веру и т. д. (Susen, 2015: 26–27). К последним Сьюзен относит Урри. Это правда, что Урри не связывался с термином. Однако он, во-первых, часто вступал в коллаборацию с такими авторами, как Скотт Лэш и Майк Физерстоун (Featherstone, Thrift, Urry, 2005; Lash, Urry, 1987; Lash, Urry, 1994), которые занимались «социологией постмодерна» (Featherstone, 2007; Lash, 1990). Во-вторых, Урри, стремясь заявить о новой социальной науке, невольно становился участником движения социологов, которые делали то же самое под знаменем постмодерна (Seidman, 1994). В-третьих, Урри предложил критику потребительского капитализма, что Сьюзен связывает с постмодернистским трендом. Этот пункт самый важный.

Дело в том, что при чтении книги Урри читатель отчетливо понимает, что в ней есть существенный изъян. Несмотря на то что социолог не раз упоминает капитализм, этой теме он не посвящает отдельной главы. И это странно, ведь в свое время Урри, как отмечалось вначале, написал влиятельную книгу «Конец организованного капитализма». Урри и его соавтор Скотт Лэш заявили, что, хотя Маркс и Вебер считали, что капиталистические общества становились все более упорядоченными (а социолог Джордж Ритцер так думает до сих пор (Ритцер, 2011)), в 1980-е годы западный мир (прежде всего Великобритания, США, Франция, Германия и Швеция) вступил в эпоху «дезорганизованного капитализма». Анализируя про-

странство, классовые отношения и культуру, Лэш и Урри объясняли перестройку капиталистических процессов взаимодействия, возникшую в результате дезорганизации. Они утверждали, что в каждой из упоминаемых стран наблюдалось движение к деконцентрации капитала, и показывали, что национальные различия в современном дезорганизованном капитализме могут быть поняты посредством тщательного изучения способа организации капитализма (Lash, Urry, 1987)⁴. Некоторым образом такие размышления вписывались в общие тенденции социальной философии, связанные с постмодерном, которые Джеймисон описывает как «ощущение конца» — конец идеологии, конец социального, конец искусства, конец истории. И хотя в сравнении с озвученными теориями концепция «конца организованного капитализма» Урри была достаточно скромной (он не прогнозировал конец капитализма как такового), в целом это было настоящее открытие и вместе с тем вызов социальным наукам. К слову, в других текстах Урри провозглашает «конец туризма» (Урри, 2005: 148), что некоторые авторы также связывают с традицией постмодернизма (Munt, 1994).

Остается лишь сожалеть, что Урри не обращал внимания на постмодерн и не учитывает его в последней работе. Ведь, рассматривая вопрос о научной фантастике в контексте проблемы утраты исторического мышления, Фредрик Джеймисон в начале 1990-х отмечал, что будущее больше не проживается нами как будущее, но скорее понимается как присутствующее в настоящем, присвоенное и понятное, каким бы ужасным оно ни было. Иными словами, самые нереальные темы и проблемы, раз они были озвучены и репрезентированы, встраиваются в нашу повседневную жизнь и представления о ней. Кажется, что сегодня эта тенденция сохраняется, и тем самым темпоральные режимы, референтом которых должно быть будущее, оказываются на деле лишены измерения будущего как такового и остаются вечным настоящим (Джеймисон, 2019: 563). С одной стороны, это случай обращения социальных наук к будущему, пусть и с пессимистическими последствиями, с другой — это могло бы стать хорошим стартом для размышлений Урри, чтобы упрочить аргументацию своих тезисов.

Парадоксально, что в книге «Как выглядит будущее?» каждый раз, когда Урри заговаривает о капитализме, то обращается к прошлому и почти никогда не рассуждает о его будущем. С одной стороны, у нас есть закономерный соблазн предположить, что для Урри эта тема теперь вообще не интересна, или даже более радикально — после «Офшоров» ему нечего сказать про новый капитализм, его мутации и его развитие. С другой стороны, это может свидетельствовать о бессознательном желании семидесятилетнего человека мечтать о будущем, в котором не будет капитализма. И когда Урри рассматривает четыре варианта развития технологий 3D-печати, он говорит о чем угодно, даже о провальной версии мечтаний

4. Спустя несколько лет Лэш и Урри выпустили вторую часть диалогии «Экономика знаков и пространств», имеющую еще более постмодернистский характер (Lash, Urry, 1994). Отметим также, что Макнотен и Урри используют термин «постмодерн» в своей статье «Социология природы», называя современные общества постмодернистскими (Макнотен, Урри, 1999).

человека о цифровом производстве, но даже здесь почти не высказывает суждений о капитале, отделяясь общими замечаниями. У читателя возникает соблазн предположить, что капитализм, даже «дезорганизованный» — теперь в прошлом, но тут он приступает к чтению последней главы о климате и обнаруживает, что тема капитализма раскрывается именно в ней.

Урри отмечает, что мир вступил в новый геологический период — «эпоху антропоцена» (в формулировке нобелевского лауреата Пауля Крутцена) (с. 239, 251), в которой основное влияние на развитие земли, включая климат, почву и территории, оказывает человек. Таким образом, человек несет ответственность за то, что в ближайшие тридцать лет Землю ожидают экологические катастрофы, и поэтому всем нам следует задуматься и начать предпринимать какие-то действия, чтобы избежать исчезновения. Иными словами, изменение климата — всеобщий краеугольный камень. Урри выделяет три научных направления, предлагающих решение вопроса о климате. Первое — градуализм, предполагающий, что за грядущие изменения в земной системе можно заплатить скромную цену, если начать действовать прямо сейчас. Второе — скептицизм, который «торгует сомнениями», утверждая, что все нужно оставить так, как есть, потому что изменение климата не зависит от человека. Третье — катастрофизм, который требует полноценного переустройства сложных систем. Хотя сам Урри не говорит об этом прямо, он солидаризуется с третьей группой ученых. Систему необходимо перестраивать, и именно здесь социолог переходит к вопросу капитала. Так, он критикует консюмеризм и взаимозависимые понятия «углеродный капитал» и «финансовый капитал». Символом всего худшего, что связано с экономикой, для автора является Дубай — «город, построенный на песке и долговых обязательствах», являющийся «местом ускоряющегося потребления, торговли, гастрономии, азартных игр и проституции» и «оазисом свободного предпринимательства» (с. 261).

Альтернативой такому капиталу выступает управляемый «экономический антирост» — доктрина, сформулированная канадской журналисткой Наоми Кляйн (Klein, 2014). Урри ссылается на нее куда больше, чем на кого бы то ни было. Именно антирост является альтернативной системой нынешнему безответственному капиталу. Несмотря на то, что как таковой альтернативы еще нет, она сказывается в «низкоуглеродном гражданском обществе», которое представляет собой «архипелаг мельчайших островков, разбросанных по всему миру» и которое «возникает в результате десятков тысяч экспериментов, групп, сетей, прототипов, лабораторий, ученых, вузов, конструкторов и активистов» (с. 271). Хотя Урри и цитирует книгу политических теоретиков Хардта и Негри «Множество» в другом контексте, этот тезис напоминает концепцию «множества», противостоящего неolibеральной «империи» (Хардт, Негри, 2004). «Естественный капитализм» неорганизованных ответственных субъектов должен строиться не вокруг финансовых спекуляций, но с ориентацией на природу — нужно ограничить потребление энергоресурсов, жить более скромно, сокращая пользование товарами и услугами, наладить социальное взаимодействие и т. д. Разумеется, из четырех вариантов

климатического будущего — сохранение существующего положения вещей, экологическая модернизация, масштабные катастрофы и антирост — Урри выбирает последний. Однако по традиции автор повторяет: «Хотя у нас есть несколько сценариев климатического будущего планеты, определить, какой именно из них окажется наиболее вероятным по состоянию, скажем, на 2050 г., чрезвычайно сложно», потому что «это объясняется тем, что многое здесь будет зависеть от того, что действительно произойдет в будущем» (с. 258). Тем самым следует предположить, что на антирост, видимо, можно не рассчитывать.

Выше мы сравнивали подход к популярной культуре Урри, с одной стороны, и Жижека и Фишера — с другой. Стоит сказать, что точно также радикально отличаются и их представления о капитализме. Это, однако, совсем не вопрос политических пристрастий левых и не-левых. В конце концов, «финансовый капитализм» Урри не нравится едва ли не больше, чем Славою Жижеку или Марку Фишеру. Это вопрос двух разных теоретических оптик в самом широком смысле. Жижек и Фишер смотрят на капитализм как философы и употребляют прием «критики капитализма»; Урри смотрит на капитализм как социальный теоретик и, если критикует, то не «хитрость капитализма», а конкретные его последствия и финансовые махинации. Если для Фишера капитализм хотя и нечто абстрактное, но вместе с тем некий монстр, обладающий субъектностью (так, он постоянно использует выражения типа «капитализм действует», «капитализм скрывает», «капитализм изображает»), то для Урри это предмет социального анализа. Поскольку капитализм меняет свои формы, рассуждает социолог, то, следовательно, мы можем предположить, что в своем новом и желанном облике он окажется более привлекательным. Можно сказать так: позиция левых философов — морализаторская; позиция Урри — моральная.

Но все же есть вопрос, который не попадет в фокус внимания Урри и который другие левые обсуждают не в морализаторском ключе. Как мы помним, тот же Джеймисон однажды заметил, что легче представить конец света, чем конец капитализма (Фишер, 2010: 11–26), и потому один из наиболее важных вопросов для социальной теории, которая занимается проблемой будущего, должен быть вопросом о будущем иной формы капитализма. Хотя Урри предлагает свой вариант «природного капитализма», он не может быть признан удовлетворительным по следующему основанию. В его книге, вне всякого сомнения, ценной, есть «белое пятно», которое заметно особенно хорошо — это проблема «цифрового капитализма» и вообще невнимание к цифровому миру, за исключением 3D-печати. А значит, размышления Урри должны быть дополнены концепциями иных авторов. К счастью, на русском языке вышло достаточно книг, чтобы восполнить этот пробел. Прежде всего, это работы упоминаемых Ника Срничека «Капитализм платформ» и Адама Гринфилда «Радикальные технологии» (Гринфилд, 2018; Срничек, 2019).

Адам Гринфилд смотрит в будущее с оптимизмом и уверяет нас, что ни одна из цифровых компаний не сможет добиться монополии на рынке, а потому они бу-

дут конкурировать и «не поработят» общество. Ник Срничек и его соавтор Алекс Уильямс, отказавшись от своей ранней концепции акселерационизма, заговорили о посткапитализме (Srnicek, Williams, 2015). Но уже через год после выхода их совместного труда Срничек предложил обсуждать «капитализм платформ», то есть цифровой капитализм как таковой. Будучи левым, он тоже предлагает этическую позицию. Так, Срничек заявляет, что в плане прибыльности будущее принадлежит такой компании, как Amazon, а не Google, Facebook и Uber. Но все эти компании будут откачивать объемы капитала, чьи производственные процессы зависят от платформ. И мы, вместо регуляции деятельности этих агентов, говорит Срничек, должны «сосредоточить усилия на создании общественных платформ — таких, которые принадлежат „простым“ людям и контролируются ими» (Срничек, 2019: 113).

И все же, какими бы недостатками ни обладала книга Урри и сколько бы вопросов к его концепции мы ни задавали, все это искупается одним единственным обстоятельством — «Как выглядит будущее?» просто интересно читать. А доступность языка выгодно отличает книгу от большинства иных работ по социальной теории. Все те многочисленные вопросы, которые встают перед читателем, на проверку подтверждают качество текста и идей, в нем отраженных, — автор побуждает к самостоятельному мышлению и дальнейшему воображению при многочисленных вариантах ответа на вопрос «Что такое будущее?». Тут же необходимо сделать последнее замечание. В то время как на русском название книги звучит «Как выглядит будущее?», в оригинале заголовок такой «Что такое будущее?». И хотя ответ на первый вопрос в тексте тоже можно найти, стоит сказать, что будущее для Джона Урри — это 3D-печать, город без автомобиля и антирост, основанный на этическом отношении к природе. Это авторская позиция, которая может показаться слишком узкой, но вместе с тем это приглашение других социологов к участию в создании нового предметного поля социальной науки.

Литература

- ван ден Аккер Р., Вермюлен Т., Гиббонс Э. (ред.). (2019). *Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма* / Пер. с англ. В. М. Липки. М.: РИПОЛ классик.
- Гидденс Э., Саттон Ф. (2018). *Основные понятия в социологии* / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М.: ВШЭ.
- Гринфилд А. (2018). *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни* / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Дело.
- Джеймисон Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма* / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Жижек С. (2010). *О насилии* / Пер. с англ. А. Смирнова, Е. Ляминой. М.: Европа.

- Жижек С. (2011). Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и соответствующие предметы / Пер. с англ. А. Смирнова, М. Рудакова, А. Абельситова. М.: Европа.
- Жижек С. (2012). Чума фантазий / Пер. с англ. Е. Смирновой. Харьков: Гуманитарный центр.
- Иглтон Т. (2012). Идея культуры / Пер. с англ. И. Кушнareвой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Лахман Р. (2016). Что такое историческая социология? / Пер. с англ. М. Дондуковского. М.: Дело.
- Макнотен Ф., Урри Дж. (1999). Социология природы / Пер. с англ. А. Д. Ковалева // Филиппов А. Ф. (ред.). Теория общества. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. С. 261–291.
- Петровская Е. (2018). «На стороне новых варваров»: знаки поколения у Балабанова // Новое литературное обозрение. Т. 149. № 1. С. 489–508.
- Ритцер Д. (2011). Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис.
- Срничек Н. (2018). «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным»: интервью с Ником Срничеком / Пер. с англ. М. Мирошниченко // Логос. Т. 28. № 2. С. 87–102.
- Срничек Н. (2019). Капитализм платформ / Пер. с англ. М. Добряковой. М.: ВШЭ.
- Урри Дж. (2005). Взгляд туриста и глобализация / Пер. с англ. А. Шередега // Зверева В. В. (ред.). Массовая культура: современные западные исследования. М.: Прагматика культуры. С. 136–150.
- Урри Дж. (2012а). Мобильности / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис.
- Урри Дж. (2012б). Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: ВШЭ.
- Урри Дж. (2017). Офшоры / Пер. с англ. Е. Головляничиной. М.: Дело.
- Урри Дж. (2018). Как выглядит будущее? / Пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Дело.
- Филиппов А. Ф. (2011). Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 4–20.
- Филиппов А. Ф. (2012а). Мобильность и солидарность. Статья вторая // Социологическое обозрение. Т. 11. № 1. С. 19–39.
- Филиппов А. Ф. (2012б). Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. Т. 50. № 5. С. 8–23.
- Фишер М. (2010). Капиталистический реализм / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультракультура 2.0.
- Харламов Н. А. (2012). Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри // Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис. С. 7–58.
- Хардт М., Негри А. (2004). Империя / Пер. с англ. И. Данилина, А. Ландера, И. Окуневой, А. Смирнова, Ю. Филиппова. М.: Праксис.
- Dennis K., Urry J. (2009). After the Car. Cambridge: Polity.
- Featherstone M. (2007). Consumer Culture and Postmodernism. London: Sage.

- Featherstone M., Thrift N., Urry J.* (2005). *Automobilities*. London: Sage.
- Jameson F.* (2005). *Archaeologies of the Future: The Desire called Utopia and other Science Fictions*. London: Verso.
- Keat R., Urry J.* (1975). *Social Theory as Science*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Klein N.* (2014). *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate*. London: Allen Lane.
- Lash S.* (1990). *Sociology of Postmodernism*. London: Routledge.
- Lash S., Urry J.* (1987). *The End of Organized Capitalism*. Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Lash S., Urry J.* (1994). *Economies of Signs and Space*. London: Sage.
- Munt I.* (1994). The «Other» Postmodern Tourism: Culture, Travel and the New Middle Classes // *Theory, Culture & Society*. Vol. 11. № 3. P. 101–123.
- Seidman S.* (1994). *The End of Sociological Theory* // *Seidman S.* (ed.). *The Postmodern Turn. New Perspectives on Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 119–139.
- Srnicek N., Williams A.* (2015). *Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work*. London: Verso.
- Susen S.* (2015). *The «Postmodern Turn» in the Social Sciences*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Urry J.* (1981). *The Anatomy of Capitalist Societies: The Economy, Civil Society and the State*. London: Macmillan Education.
- Urry J.* (2016). *What is the Future?* Cambridge: Polity.

The Future as a Subject of Social Theory

Alexander Pavlov

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics
Leading Researcher, Russian Academy of Science, Institute of Philosophy
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: apavlov@hse.ru

The subject of this article is a critical analysis of the “concept of the future” as proposed by the British social theorist, John Urry (1946–2016). The author briefly examines the intellectual legacy of the sociologist and his contribution to the creation of a new social theory, pointing out that Urry’s books that were translated into Russian do not fully represent his scientific work, but reflect the later period of his research activity. *What is the Future?* was the sociologist’s last book and was published the same year he died: we can consider it as a kind of last will. This testament, however, reflects many aspects of the writings of the last sixteen years of Urry’s life. As Urry observes, he challenges the social sciences with his book because the social sciences are still not concerned the future as a subject of research, giving it to the mercy of futurology. This article gives an answer to the question of whether we can actually consider Urry’s book as such a challenge. The author argues that some kind of theoretical weakness is inherent in Urry’s concept. Thus,

the sociologist calls for the theory of complex developing systems to help to analyze the future, but the conclusions he comes to do not have any heuristic value. However, as the author of the article notes, Urry's book is valuable not as a theory, but as an attempt to talk about the future from the perspective of social philosophy and its focus on practice. On one hand, the sociologist uses rich empirical material when talking about utopias and dystopias such as fiction, cinema, publicistics, and reports of various organizations, as examples. On the other hand, when discussing such problems as 3D-printing, urban spaces without cars, climate change, dystopias, and so forth, Urry uses the method of scenarios in offering four scenarios for each phenomenon considered. These scenarios by themselves already allow us to imagine what the future might look like. The final chapter of the book is dedicated to a "low-carbon civil society" and the conceptualization of responsible-to-nature "natural capitalism." The author of the article puts a special emphasis on this, considering that this concept should be supplemented by other ideas about the newest — digital — capitalism. Finally, the article considers the question of the relationship of Urry's social theory with the theory of postmodernism.

Keywords: social theory, the future, capitalism, postmodernism, philosophy of culture, popular culture, city, climate, Marxism

References

- Dennis K., Urry J. (2009) *After the Car*, Cambridge: Polity.
- Eagleton T. (2012) *Ideya kultura* [The Idea of Culture], Moscow: HSE.
- Featherstone M. (2007) *Consumer Culture and Postmodernism*, London: Sage.
- Featherstone M., Thrift N., Urry J. (2005) *Automobilities*, London: Sage.
- Filippov A. F. (2011) Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya pervaya [Mobility and Solidarity. The First Article]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 3, pp. 4–10.
- Filippov A. F. (2012a) Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya vtoraya [Mobility and Solidarity. The Second Article]. *Russian Sociological Review*, vol. 11, no 1, pp. 19–29.
- Filippov A. F. (2012b) Paradoksal'naya mobil'nost' [The Paradoxal Mobility]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 50, no 5, pp. 8–23.
- Fisher M. (2010) *Kapitalistichesky realism* [Capitalist Realism], Moscow: Ultrakultura 2.0.
- Giddens A., Sattou P.W. (2018) *Osnovnye ponyatiya v sociologii* [Essential Concepts in Sociology], Moscow: HSE.
- Greenfield A. (2018) *Radikal'nye tehnologii: ustroystvo povsednevnoi zhizni* [Radical Technologies: The Design of Everyday Life], Moscow: Delo.
- Hardt M., Negri A. (2004) *Imperiya* [Empire], Moscow: Praxis.
- Jameson F. (2005) *Archaeologies of the Future: The Desire called Utopia and other Science Fictions*, London: Verso.
- Jameson F. (2019) *Postmodernism ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Kharlamov N. (2012) Novoye obshchestvo ili novaya nauka ob obshchestve? Sotsiologiya mobil'nostey Dzhona Urri [A New Society or a New Science of Society? John Urry's Sociology of Mobilities]. Urry J., *Mobil'nosti* [Mobilities], Moscow: Praxis, pp. 7–58.
- Keat R., Urry J. (1975) *Social Theory as Science*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Klein N. (2014) *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate*, London: Allen Lane.
- Lachmann R. (2016) *Chto takoe istoricheskaya sociologiya?* [What is Historical Sociology?], Moscow: Delo.
- Lash S. (1990) *Sociology of Postmodernism*, London: Routledge.
- Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organized Capitalism*, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
- Lash S., Urry J. (1994) *Economies of Signs and Space*, London: Sage.
- Maknoten F., Urri D. (1999) Sotsiologiya prirody [Sociology of Nature]. *Teoriya obshchestva*, Moscow: KANON-press-TS, Kuchkovo pole, pp. 261–291.
- Munt I. (1994) The "Other" Postmodern Tourism: Culture, Travel and the New Middle Classes. *Theory, Culture & Society*, vol. 11, no 3, pp. 101–123.

- Petrovskaya H. (2018) "Na storone novyh varvarov": znaki pokoleniya u Balabanova ["On the Side of the New Barbarians": Balabanov's Semiotics of a Generation]. *New Literary Observer*, vol. 149, no 1, pp. 489–508.
- Ritzer G. (2011) *Makdonal'dizatsiya obshchestva 5* [The McDonaldization of Society 5], Moscow: Praxis.
- Seidman S. (1994) The End of Sociological Theory. *The Postmodern Turn: New Perspectives on Social Theory* (ed. S. Seidman), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 119–139.
- Srnicek N. (2018) "Termin 'akseleratsionizm' stal bespoleznym": interview s Nikom Srnicem ["The Term 'Accelerationism' Has Become Useless": An Interview with Nick Srnicek]. *Logos*, vol. 28, no 2, pp. 87–102.
- Srnicek N. (2019) *Kapitalizm platform* [Platform Capitalism], Moscow: HSE.
- Srnicek N., Williams A. (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*, London: Verso.
- Susen S. (2015) *The "Postmodern Turn" in the Social Sciences*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Urry J. (1981) *The Anatomy of Capitalist Societies: The Economy, Civil Society and the State*, London: Macmillan Education.
- Urry J. (2005) Vzglyad turista i globalizatsiya [A Tourist View and Globalization]. *Massovaya kultura: sovremennyye zapadnyye issledovaniya* [Mass Culture: Modern Western Research], Moscow: Pragmatika kulturey, pp. 136–150.
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities], Moscow: Praxis.
- Urry J. (2012) *Sociologiya za predelami obschestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century], Moscow: HSE.
- Urry J. (2016) *What is the Future?* Cambridge: Polity.
- Urry J. (2017) *Ofshory* [Offshoring], Moscow: Delo.
- Urry J. (2018) *Kak vyglyadit budushchee?* [What is the Future?], Moscow: Delo.
- Van den Akker R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds.) (2019) *Metamodernizm: istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism], Moscow: RIPOL classic.
- Žižek S. (2010) *O nasilii* [On Violence], Moscow: Evropa.
- Žižek S. (2011) *Razmyshleniya v krasnom tsvete: kommunisticheskij vzgljad na krizis i sootvetstvujushhie predmety* [Reflection in a Red Eye: a Communist Examination of the Crisis and Related Matters], Moscow: Evropa.
- Žižek S. (2012) *Tchuma Fantasij* [Plague of Fantasy], Kharkov: Gumanitarny tsentr.